

3. *Dunaev, M.M. Pravoslaviye i russkaya literatura : uchebnoye posobiye dlya dukhovnykh seminariy [Orthodoxy and Russian literature: a textbook for theological seminaries] / Under the general. ed. V.L. Shlenov. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 2009. 512 p. (in Russian)*

УДК 82-1/9; 82-311.2;
82-312.1

**АНТИУТОПИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО И СОВРЕМЕННОГО
МИРА В РОМАНЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»
И «ЭКОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ»
С.П. ЗАЛЫГИНА**

Филиппова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук,
заведующая заочным сектором
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: 234888@mail.ru

Для цитирования: *Филиппова, С.В.* Антиутопические реалии художественного и современного мира в романе Е.И. Замятина «Мы» и «Экологическом романе» С.П. Залыгина // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 223–240.

Аннотация

В статье представлены идейно-композиционные аналогии между романом-антиутопией «Мы» Е.И. Замятина и «Экологическим романом» С.П. Залыгина. Автор анализирует связь романа с другими произведениями антиутопического вектора, выявляет характерные «антиутопические доминанты» залыгинского романа, акцентирует внимание на антиутопических реалиях художественного мира и современного.

Ключевые слова: душа; утопия; антиутопия; «экологическая психология»; «биопсихология» Замятин; Залыгин; «Экологический роман»

Творчество Е.И. Замятина и С.П. Залыгина – особая веха в литературно-историческом наследии XX века.

Историческая достоверность и философско-этическая значимость художественного и публицистического творчества С.П. Залыгина в значительной степени характеризуют этого писателя. Важнейшие моменты жизненной и творческой биографии писателя непосредственно связаны с тревогой за судьбу родной страны, ее природы. С.П. Залыгин с поразительной целеустремленностью своей литературно-художественной, научно-общественной деятельности не позволил осуществиться опасным заблуждениям, антинародным акциям: повороту на юг вод Оби до полного их исчезновения в песках Приаралья, а затем еще большей катастрофе – повороту вспять рек европейского Севера России.

Из многогранного творчества Е.И. Замятина особым образом выделяется его роман «Мы», идейно-композиционная структура которого литературной критикой определена как первый роман-антиутопия. Литературный шедевр уникально точно отобразил методы и результаты воздействия на общество в условиях тоталитарного государства, где все вынуждены принять «математически безошибочное счастье», лишая себя индивидуально-личностного начала, «фантазии», «души». Одним из концептуальных вопросов, решаемых в произведениях этих художников слова, является проблема отсутствия духовно-нравственного развития личности и мужественного противостояния жестоким реалиям окружающего мира.

Антиутопия, оказавшись уже в 1920-е годы востребованным жанром, со временем лишь укрепляет свои позиции. В конце XX века она актуализируется в творчестве В. Аксенова («Остров Крым», 1979), В. Тендрякова («Покушение на миражи», 1979), А. Адамовича («Последняя пастораль» 1986), В. Войновича («Москва 2042», 1986), А. Кабакова («Невозвращенец», 1988), А. Курчаткина («Записки экстремиста», 1989), Л. Петрушевской («Новые робинзоны», 1989), В. Маканина («Лаз», 1990) и других.

Попытка устроить жизнь по логически стройной схеме, пренебрегающей «природным законом», Божественными заповедями, и сомнения в самой возможности, целесообразности и благотворности такого устройства всегда шли рядом. Библейская история о Вавилонской башне указывает на глубокие исторические корни и

попыток столпотворения, и скепсиса в связи с непомерными человеческими амбициями.

Проблемам формирования и развития жанра антиутопии посвящены работы А. Зверева, В. Чаликовой, Б. Ланина, К. Гордович, Л. Геллера, Т. Давыдовой, В. Евсеева и других¹. Большинство исследователей склонно считать, что, как правило, антиутопия показывает мир у рубежа, за которым следует окончание человеческой истории и одновременно «последний час природы». Этот мотив, соединяя между собой антиутопические произведения в единую жанровую разновидность, позволяет не только рассмотреть их жанровые контаминации, но и увидеть настоящее и перспективу будущего в свете антиутопического прогноза автора. Развивая мысль об антиутопии как своеобразном «антижанре», Т.Т. Давыдова констатирует: «Антиутопия – полемичный в своей основе антижанр. Он выразил усилившееся в нашем столетии ироническое отношение к действительности, нараставшее ощущение хаоса и абсурдности бытия» [2, с. 191]. Нельзя обойти вниманием размышление о сущности жанра утопии самим С.П. Залыгиным, который утверждает: «Утопию надо трактовать расширительно: это не только общественный идеализм, это желание жить. Глубоко осознанное желание, в отличие от желания биологического. Где кончается реализм, где начинается утопия – никто не знает и знать не должен. Мысль как таковая не дает для этого никаких оснований».

Без утопии не было бы всего того, что мы называем идеями, идейностью, духовностью. Утопии различаются между собой не столько идеями – все они возникают, как правило, из идей высоких и высочайших, – сколько теми средствами, которые утопист принимает для достижения своих целей: насильственные эти средства или ненасильственные» [4, с. 153].

¹ См.: Зверев, А. «Когда пробьет последний час природы...» / А. Зверев // Вопросы литературы. 1989. – № 1. – С. 26–69; Чаликова, В. Утопический роман: Жанровые и биографические источники современных антиутопий и дистопий // Социокультурные утопии XX века. – М., 1985; Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия. – М., 1993. – С. 96–166; Гордович К.Д. Русская литература конца XX века. – СПб., 2003; Давыдова, Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. – М., 2000, Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России. – СПб., 2003; Евсеев, В.Н. Роман «Мы» Е.И. Замятина (жанровые аспекты). – Ишим, 2000; Быстрова, О.В. Русская литературная антиутопия 20-х годов XX в: проблема жанра. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996; Баран, Г.П. Антиутопия Е. Замятина «Мы» в мировом контексте // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. – Тамбов, 1994. – Вып. I. Ч. 1. – С. 136–150 и др.

«Экологический роман» расширяет поле полемики утопии и антиутопии.

Логика теоретических рассуждений В.Н. Евсеева подталкивает к возможности возникновения такого контраста: «Антиутопия переворачивает в утопии все ее ценностные параметры, включая жанровые. Утопию интересует идеальное устройство общества, антиутопию – личность» [3, с. 27]. Но практика писателя делает этот вывод неактуальным для художественного мира С. Залыгина. Реальная художественная практика оказывается сложнее самых стройных логических теоретических положений. Залыгину одинаково «ненавистны» и легкомысленные обещания земного «рая», и создаваемый под аккомпанемент этих обещаний «ад».

От «ощущения хаоса и абсурдности бытия» лишь один шаг до предчувствия апокалипсиса. Мотив «последнего часа природы», эсхатологические идеи оказываются структуро- и жанрообразующими в «Экологическом романе» С.П. Залыгина. Известно, что его первоначальное название – «Заколдованный створ». Но, видимо, оценивая масштаб обозначившейся в реальном мире экологической катастрофы, ставящей под сомнение будущее земли и человечества, писатель решил переименовать произведение. Автор начал писать роман в ноябре 1992 года, а в августе 1993 года он был завершен. Проблемы экологические, социально-этические в романе представлены через восприятие «природного» человека – таким, по мысли Залыгина, может быть не только лесной отшельник или крестьянин, но и ученый-гидролог. Высвечивая явные и скрытые мотивы человеческой психологии, автор видит губительность любой деятельности человека при отсутствии чувства «принадлежности к этому миру». К этому же ведет и существование вне «экологической психологии», вне «биопсихологии».

Герой «Экологического романа» – Николай Петрович Голубев, живет в мире реализующейся социальной технократической утопии – именно в таком качестве воспринимает он свою родину, сопредельные страны. Но эта реализация порождает проблем больше, чем решает: затопление богатейших территорий, техногенные экологические катастрофы, превращение человека в часть саморазвивающейся антиприродной государственной машины. Голубев пытается противостоять нарастанию экологического безразсудства, торжеству ведомственных интересов. В ряде случаев это

ему удастся. Но ему не удастся приостановить разрушительные процессы в душах людей, забывших о том, что они являются частью уничтожаемой ими природы.

Роман «Мы» принято считать образцом антиутопического жанра, поэтому именно к нему следует обратиться для необходимых сопоставлений и параллелей, которые помогут в определении жанровой природы залыгинского «Экологического романа». Изучение текста и контекста романа «Мы» уже состоялось в самых различных аспектах. «Экологический роман» еще не получил достаточно широкого освещения в критике и не исследован детально. Предполагаем, что, помимо отмеченного мотива «последнего часа природы», проблематика, структура и поэтика «Экологического романа» содержат явные антиутопические компоненты.

Подтверждают правомерность этого предположения и существующие на сегодняшний день литературоведческие работы В. Курбатова, О. Быстровой, О. Славниковой, Л. Теракопьяна, К. Гордович, П. Гончарова и др., где «Экологический роман» прямо или косвенно связывается с антиутопическими тенденциями литературы XX века.

Главная проблема романа С. Залыгина сформулирована предельно остро: есть ли надежда у человечества выжить, «быть ему или уже не быть в ближайшем XXI веке?» [6, с. 3].

В нашем случае заслуживает особого внимания то, что позиция С. Залыгина, выраженная в «Экологическом романе», в какой-то мере созвучна мысли, высказанной Е. Замятиным в статье «Завтра»: «Наше обращение к тем, кто видит далекое завтра – и во имя завтра судит сегодня» [7, с. 345]. Интуитивная восприимчивость к антиприродным проявлениям в человеческом сообществе является общей для художников начала, середины и конца XX века.

В центре «Экологического романа» – персонаж, чей жизненный и творческий путь ученого, публициста, писателя, общественного деятеля, представляет собой ярчайший пример защитника природы. В главном герое романа читатель легко узнает детали биографии его автора. Поэтому «Экологический роман» является и автобиографическим повествованием об антиприродных акциях общества, одержимого утопическими технократическими идеями.

Мысль о возможности и необходимости сохранения природной гармонии, о недопущении катастрофического варианта жизни, про-

израстая из «деревенской прозы», утверждается в особом литературном феномене – в натурфилософской литературе XX века, в том ее течении, которое иногда полемически именуют «экологической» прозой [1, с. 89]. Экологическая проблема, охватывая все большие измерения человеческого существования, привела Залыгина к решению: «поразмыслить над существованием человека, которого он не может назвать ни героем, ни антигероем», но для которого «антигеройство уже чуждо». Главный герой романа – Голубев Николай Петрович, гидролог, который свою жизненную стезю (с детства до глубокой зрелости), полную раздумий, лишений, борьбы и отчаяния, назвал «собственной экологической жизнью» [6, с. 6].

Залыгин – один из тех художников, чье творчество переполнено трогательной заботой о «здоровье природы» и о человеческой природе. Обращение Залыгина – писателя, публициста, ученого, эколога – к антиутопическим традициям, объясняется его стремлением вселить в сознание современников осмотрительность по отношению ко всему, чем занимается человек.

Своеобразным завещанием С. Залыгина является утверждение о том, что в современном человеке необходимо сформировать понимание единства жизни на земле, неделимости природного и человеческого мира. В «Экологическом романе» отразились технократические попытки строительства современной «Вавилонской башни». Ее очертания без труда угадываются в грандиозных плотинах, в «великих стройках», в планах «переброски рек» и преобразования природы в целом, в желании человека «строить царство Божие на земле без участия Бога» [6, с. 176].

Эти самоуверенные богоборческие попытки могли приобретать и иной облик. Желание человека господствовать над природой, развитие отдельной личности стало предметом философского осмысления в повестях М. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

С. Залыгин неслучайно высоко ценил творчество А. Платонова и посвятил ему объемную статью «Сказки реалиста и реализм сказочника (Очерк творчества Андрея Платонова)» [7, с. 335–378]. Родственная С. Залыгину углубленность А. Платонова в природу человека, в природу всего сущего **позволяют** утверждать, что приверженность А. Платонова утопическому дискурсу не могла остаться незамеченной знатоком и ценителем его творчества. «Ювенильное море», «Чевенгур», другие произведения

А. Платонова, содержащие в себе утопические и антиутопические элементы (претензии героев на радикальное переустройство не только социальной сферы, но и отношений человека с природой), явно созвучны залыгинским утопиям и антиутопиям.

Сюжетные аналогии коллизиям «Экологического романа» без труда можно отыскать и в романе Е. Замятина «Мы» – наиболее ярком произведении антиутопического жанра не только 1920-х годов, но и XX века в целом. В романе многочисленные «нумера», строящие под руководством Благодетеля космический корабль «Интеграл», считают божественно безграничными свои возможности, при этом откровенно признают, что они «антихристиане» [8].

Катастрофический финал такого строительства известен, но не могли «цари без царя в голове» отказаться от идеи царя Нимврода. Мотив Вавилонской башни (присутствующий в обоих романах) символизирует высокомерие, гордыню, заносчивость человека-богоборца. Голубев в «Экологическом романе» видит проявление этих качеств у бюрократической верхушки, возглавившей осуществление утопического проекта в России.

Замятинские «нумера» сооружают свою «башню» – соединяющий времена и народы «Интеграл». В романе «Мы» Е. Замятин использует иронию и гротеск как приемы развенчания упования на технический прогресс, на спасительную роль социальных и политических преобразований. «Разве не казалось вам, что вы – гигант, Атлас – и если распрямитесь, то непременно стукнитесь головой о стеклянный потолок?» [16, с. 120].

Эта фраза, насыщенная яркой метафорической образностью, помогает сделать важное замечание на пути к установлению констант антиутопического жанра. Замятин создает своеобразный ключ к пониманию структуры антиутопии, представляющий собой явную идеологическую метафору, в которой можно предположить формулу антиутопического социума. Смысл этой формулы заключается в том, что в антиутопии человек живет вне природного мира, под строгим и неусыпным присмотром государства и общества.

В романе Дж. Оруэлла «1984» (1949) многочисленные «телекраны» действуют «на прием и передачу», манипулируя сознанием жителей Океании, следя за каждым их шагом. Залыгинский персонаж тоже ограничен в своих действиях «стеклянным потолком» государственных и общественных установлений, лишен свободы,

способности самовыражения. На наш взгляд, литературное произведение, содержащее в своей структуре этот выделенный элемент повествования, является произведением, тяготеющим именно к антиутопическому жанру. Выработанная в замятинском романе формула антиутопического мира может звучать и иначе: моделирование, художественное воссоздание общества или человека в отсутствие (или в процессе уничтожения) природного мира, духовного начала в человеке, свободы выбора, права на личное счастье и права иметь свое мнение об окружающем мире, лежит в основе антиутопии. В совокупности с неусыпным контролем государства, соединенным с обязанностью неукоснительного исполнения человеком всех предписанных государством норм, эта формула составляет основу антиутопического художественного мира.

Дж. Оруэлл в романе «1984» почти в деталях следует структуре романа Е. Замятина «Мы». Финалы романов, изображающие операции над сознанием персонажей и их результаты, предельно звучны. «Экологический роман» в наименьшей степени повторяет даже и в трансформированном виде структуру и детали романа Замятина «Мы». Залыгин часто публицистически воспроизводит и трансформирует общее направление мысли, дискурс классической антиутопии, он воспроизводит и трансформирует тип героя-идеолога, характерный для романа «Мы».

В мире главного героя «Экологического романа» господствуют те же тенденции, законы, запреты, установления, что и в возглавляемом Благодетелем Едином Государстве. Голубев в течение многих лет пытается противостоять губительному стремлению к антиприродному «раю», отстаивая права природы на ее целостность. За свою жизнь Голубев сделал много полезного: не допустил строительства Нижне-Обской ГЭС, убедил правительство в абсурдности идеи поворота северных рек и так далее. Но эти действия на самом деле никого не вразумили, и ничто не изменилось в сознании людей. Поэтому отчаяние заставило Голубева почувствовать себя «одной миллиардной частицей человечества» [6, с. 98].

Интересно, что мотив превращения «я» в «мы», осознания себя «одной шестимиллиардной частицей человечества» уже присутствовал в «фантастическом повествовании» С. Залыгина «Оська – смешной мальчик» (1973). В сюжете этой повести имеет существенное значение эпизод добровольного превращения персонажа в «мы».

«Мы» – существа, которые не знают друг друга. Они одинаковые. Их великое множество – «семьдесят семь триллионов плюс эн в бесконечной степени» [Т. 2. С. 472]. Представляется, что эта деталь сюжета – превращение «я» в «мы» – и в повести, и в «Экологическом романе» восходит не только к трагическим размышлениям о нивелировании личности урбанистической цивилизацией Л. Андреева («Проклятие зверя», «Царь-голод»), к обожествлению массы, коллектива в литературе 1920-х годов (В. Кириллов, А. Серафимович, В. Маяковский), но также и к антиутопии Е. Замятина «Мы».

В замятинском романе на этот счет выработана своя философия: «Вероятно, куску железа так же радостно покориться неизбежному, точному закону – и впиться в магнит» [8, с. 49].

Логика героев Замятина математически достоверна, по видимости бесспорна. «Я» – составная, но малая часть «мы». «Отсюда распределение: тонне – права, грамму – обязанности; и единственный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны» [8, с. 77].

Как и в романе «Мы», в «Экологическом романе» переход «я» в «мы» происходит в результате долгих исканий и борьбы. В «Мы» – между безликим техногенным миром нумеров и «Я – Вселенной», между долгом и чувствами. В «Экологическом романе» – с бюрократической антигуманностью, с ложными проектами, с «глухотой общества». Залыгин точно передает движение мысли героя к осознанию того, что надо «покориться неизбежному». Заблуждение, ошибка человека и человечества, по мысли и Замятина, и Залыгина, заключается в том, что, подчиняясь необходимости, не осознавая и подавляя в себе личность, ответственную за все происходящее в мире, человек добровольно или под давлением обстоятельств отрывается от своего духовно-личностного начала, от своего природного «я» как дома души. «Душа – неповторимая, незаменимая, превращает каждого в отдельную Вселенную» [9, с. 6].

Ведь не случайно Замятин наделяет своего героя Д-503 «образованием души», заставляет ощутить разницу между «мы» и «Я – Вселенной». Близкой Е. Замятину и С. Залыгину является мысль о том, что индивидуальная личность должна быть свободной от «тенет счастья» Благодетеля, счастья в виде антиприродного техногенного мира. Исследовательница жанровой специфики романа «Мы» Т.Т. Давыдова справедливо усматривает здесь («тенета сча-

стья») оксюморон в качестве одного из значимых элементов поэтики [2, с. 239–240].

Аналогичный прием (сочетание несочетаемого) оказывается и в основе названия романа С. Залыгина – «Экологический роман», поскольку проблемы экологии изначально являются по преимуществу принадлежностью науки, а не искусства.

Отчаяние героя «Экологического романа» едва не способствовало его уходу из жизни, но Голубева остановил родительский долг – забота о подрастающем поколении, о внуках. Великое не существует вне «мелкого», частного и проявляется в этом «мелком» и частном. Эта мысль высказывается Залыгиным с присущей ему мягкой иронией: «Рядом с детьми, в хлопотах, заботах, Голубев, природный человек, о природе забывал, какое там! <...> Нет возможности у Голубева подумать о судьбе России, потому, что Ольвиан и Олимпия вступили в конфликт – кому принадлежит старый-старый плюшевый медведь с одним ухом? Дело зашло так далеко, что Голубеву пришлось вступиться, искать компромиссное решение» [6, с. 106]. Заботиться о природе, о России, по Залыгину, означает заботиться о каждом, в том числе и самом малом ее «природном жителе».

Жанровая специфика «Экологического романа» сложна и противоречива. В нем имеет место синтез автобиографии и научного исследования, эссе и традиционного романа, утопии и антиутопических элементов. При совмещении разных пространственных и временных пластов это создает причудливую мозаичность композиции. Антиутопическое видение позволяет автору воссоздать и осмыслить современную картину природно-социальной дисгармонии. Затрагивая особенности жанровой модели «Экологического романа», О. Славникова замечает: «Вещь переломная, всей своей структурой отражающая переход от живого времени к безвременью» [11, с. 211].

На фоне уже известных антиутопий оригинальность «Экологического романа» и в том, что при всей своей художественности, метафорической образности он биографичен, документален, историчен, переполнен конкретными цифрами, реальными событиями, фактами, подтверждающими губительность антигеройского поведения человека и антигуманного отношения к природному естеству, что особым образом выделяет его на фоне других антиутопических произведений.

Метафизическую сущность залыгинского повествования об антиприродных явлениях удачно сформулировал В. Курбатов: «Залыгин жестоко напомнил своим романом, что диалога с вечностью нам не избежать, что творчество мира может быть только религиозно и, если человек отговаривается от сотворчества с Богом, и, загораживаясь требованиями истории и прогресса, противоречит своим трудом существу жизни, вечность подойдет с другой стороны и напомнит о себе возможностью физической смерти такого развитого и прогрессивного мира» [10, с. 157].

Природное воспринимается в художественном мире Залыгина как синоним разумного. В этом плане Залыгин противоречит замятинскому алгоритму мысли. В романе «Мы» рациональное (изначально восходящее к разумному) вытеснило в героях природное настолько, что все относящееся к природной первооснове воспринимается в качестве противоречащего рассудку, как корень квадратный из минус единицы. Залыгинский мир стремится к гармонии природного и разумного, поэтому такое противопоставление для обитателей этого мира неактуально. Вместе с тем природное у Залыгина реализуется в ощущении родства между людьми, в ощущении близости человека к природе. Этот мотив созвучен роману Е. Замятина «Мы». Лишь за Зеленой стеной, где жив мир природы, герой осознает: «На один миг: я, старуха, полынь, желтые глаза – мы все одно, мы прочно связаны какими-то жилками, и по жилкам – одна общая, буйная, великолепная кровь» [8, с. 63]. Этот миг даруется ему как временное прозрение от осознанно бессознательной слепоты технократического мышления. Миг, оживляющий природную человеческую сущность Д-503 во время «рождения» в нем души. Технократизм для Замятина – проявление рассудка, рационализм, порвавший с природными инстинктами человека. Технократизм для Залыгина – неразумная, антиприродная рассудочность, противоречащая природному началу человека. Эти детали восприятия сближают и разводят двух писателей, оставляя их в рамках антитехнократического и антисциентистского дискурса, питающего их антиутопии.

Наблюдения, неусыпный контроль над гражданами государства, представлявшиеся безусловным благом на страницах «Утопии» Томаса Мора, «Города Солнца» Томазо Кампанеллы, являются признаками тоталитарно-технократической системы,

отчетливо представленными в антиутопиях. Функции контроля в «Мы» принадлежат хранителям. Герой-повествователь (он же «идеолог» и «проводник по утопии») психологически тонко передает ставшие чудовищной привычкой ощущения наблюдаемых: «Так приятно чувствовать чей-то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но мне приходит в голову опять все та же аналогия: ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни материализовалось» [8, с. 45].

Мотив религиозный («ангел-хранитель») здесь сведен к абсурду. «Д-503 заметил, что из-за его плеча, кто-то заглядывает в его развернутую страницу. Оказалось, : розовые, распростертые крылья – уши, двояко изогнутые» [8, с. 45].

Крылья ангела трансформируются в уши «хранителя».

В романах Е. Замятина и С. Залыгина утверждается мысль об ответственности человека за совершаемые в угоду идеологии действия, за «блага цивилизации», которые приобретаются ценою человеческих жизней и жизни природы в целом. Акцентируется мысль об ответственности каждого человека, его «экологической психологии» за действия свои и государства по отношению к природе.

Общей у Е. Замятина и С. Залыгина оказывается мысль о том, что человеческая личность должна быть свободной от «тенет счастья» Благодетеля, «счастья» в виде антиприродного, техногенного мира. В своих конспектах Д-503 сознается: «Буду вполне откровенен: абсолютно точного решения задачи счастья нет еще и у нас» [8, с. 10].

Человек не может быть счастлив в «условиях зоопарка», лишенный индивидуальности, личного выбора, человек теряет душу, свою основу – божественное начало.

Картина гибели души в романе, весь антиутопический проект будущего, по замыслу Е. Замятина, должны воскресить в человеке личность, ответственную за завтрашний день. Но эту же цель ставит и С. Залыгин в своем «Экологическом романе», где герой на протяжении всего повествования ведет борьбу за отстаивание интересов природного порядка бытия, раскрывает заманчивую, но коварную сущность состоявшихся утопических проектов и замыслов, не получивших еще воплощения.

В «Экологическом романе» С. Залыгина обнаруживаются и признаки антиутопического жанра. Время в начале романа определяется датой рождения из биографии главного героя – 1913 год, повествование охватывает период до 1993 года.

Пространство в романе интегрировано объектами и явлениями самых разных частей мирового сообщества (Россия, Украина, Белоруссия, Египет, гигантские плотины, циклопические гидроузлы). Время действия романа, реализуя замысел автора, из современности (1990-е годы) возвращает читателя в недавнее и отдаленное прошлое России. Залыгин внимателен к реалиям XX века, к проектам, которые до сих пор угрожают человечеству.

Антигеройство – отсутствие «экологической психологии», «биопсихологии», «экологической этики» с мышлением «царя без царя в голове» – представляют, по мнению Залыгина, реальное движение человека и мира к осуществлению самых неутешительных прогнозов, к антимиру. Осознавая свое бессилие в неравном поединке с «антигеройством», Голубев, тем не менее, остается верен себе. Залыгинский персонаж не позволяет системе сломить его, лишить «души», хотя подобные мысли не раз посещали его. Замятинский герой Д-503 слишком далеко ушел от природного начала, слишком оторван от природного в себе для того, чтобы путь «назад» был возможным. Замятин-мастер осознанно ведет героя по сюжетной лестнице от машинной цивилизации «номеров» к природному миру любви. Но и осознав трагическую несвободу, он, «связанный по рукам и ногам тенетами счастья», не мог освободиться и вполне вернуться к природной «Вселенной».

Характерно, что понятие «Вселенной» в романе Замятина приравнивается к понятию «душа». Ни Единое Государство, ни Бюро Хранителей, ни работающие в одном «эллинге» «номера», ни отдельный «номер» не ассоциируются с душой. Такое «вселенское» наполнение души, восходящее к идее Ф. Достоевского о вселенской «отзывчивости» русской души, оказывается свойственным и для залыгинского Голубева. Замятин косвенно выразил и смысл человеческого существования в этом мире, декларируя, что когда погибает душа, кончается и Вселенная. В фантастическом мире романа Замятина душа, фантазия способны рождаться и погибать. Это создает надежду, что, несмотря на хирургические операции, они могут заново возродиться в человеке. Но если у Замятина фантастика

не только допустима, но и вмещает основной сюжет романа, то Залыгин предельно документален, достоверен, связан только с миром реальности. Поэтому его предостережения звучат не менее сурово: надо беречь душу от неизвестно что несущих «тенет счастья», будь то прогресс техники или достижения по изучению генома человека. Оба художника предупреждают: во всем нужна мера и осторожность, ибо «зародыш будущего всегда в настоящем» [8, с. 346].

Вероятно, осознание нанесенного человеку, природе, всей жизни России да и всего человечества вреда от реализации заманчивых, политических доктрин, социальных идей, экономических расчетов привело С. Залыгина в позднем периоде творчества к категорическим утверждениям: «Идея должна служить жизни, а не наоборот... Она должна облагораживать жизнь, а не угнетать ее. Когда же она подчиняет себе жизнь и судьбы – это уже не столько идея, сколько заговор. <...> Заговор единственного против гармонии множественности» [5, с. 114].

Не допустить антиприродного безвременья – своеобразная сверхзадача «Экологического романа». Она созвучна комплексу идей романа Е. Замятина «Мы», идеям, характерным для других антиутопий XX века. Наличие этих и иных идейных параллелей закономерно приводит к выводу о том, что оба романа имеют функцию предупреждения. Писатели выразительно и достоверно моделируют переживания персонажей в психологическом столкновении между долгом и чувством, в борьбе с «тенетами счастья», в противостоянии распространению «ядовитого рая».

Прозаиками подчеркивается мысль о значимости и спасительности природного начала в человеке. Ведь именно основы человеческого сознания, фактор «биопсихологии» способны расставить верные, по их мнению, акценты в отношениях между миром природным и технократическим.

В финале романа Д-503 «оптимистически» утверждает: «Разум должен победить» [8, 155]. Залыгинские же персонажи страдают от недостатка «природного закона», который равнозначен в их художественном мире «природному разуму». Закрывающие «Экологический роман» строки звучат как напутствие грядущим поколениям «искать компромиссное решение» [6 с. 106] между «разумом» технократическим и «природным законом».

Однако для обоих романов характерно доведение торжества техногенных устремлений до крайности. В романе «Мы» это нефтяная пища, полное обезличивание человека и стремление подчинить воле Единого Государства весь мир. В «Экологическом романе» это торжество ведомственных интересов над здравым смыслом, плана и силы техники над природой. В этом смысле обоснованным представляется утверждение А.А. Цуркана: «Человечество в полной мере сможет осознать свое единство и ценность собственной истории, лишь оказавшись на грани гибели. Современная антиутопия моделирует для нас эту грань» [12, с. 12].

Таким образом, «Экологический роман» С.П. Залыгина – синтетическое и сложное по жанру произведение, тяготеющее по своей проблематике и образности, по структуре и композиции, по воспроизведенным в нем антиномиям бытия к роману Е.И. Замятина «Мы» и к антиутопической литературе XX века в целом.

Список литературы

1. Гончаров, П.А. Эволюция русской экологической прозы // Труды Тамбовского филиала Юридического института МВД России. / П.А. Гончаров. – Тамбов, 2000. Вып. 3. – С. 89 – 91.
2. Давыдова, Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века/ Т.Т. Давыдова. – М.: Издательство МГУП. – 2000. – 363 с.
3. Евсеев, В.Н. Роман «Мы» Е.И. Замятина (жанровые аспекты)/ В.Н. Евсеев – Ишим: Издательство Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, 2000. – 115 с.
4. Залыгин, С. Два провозвестника. Заметки /С. Залыгин //Новый мир. – 1995. – № 3. С. 153–176.
5. Залыгин, С.П. Заметки, не нуждающиеся в сюжете: к 90-летию со дня рождения / С.П. Залыгин // Октябрь. 2003. – № 11. – С. 102–131.
6. Залыгин, С.П. Экологический роман / С.П. Залыгин // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 3–106.
7. Залыгин, С.П. Собрание сочинений. В 6 т. /С.П. Залыгин. – М.: Худ. лит. 1989–1991. С. 335–378.

8. *Замятин, Е.И.* Избранные произведения. В 2 т. / Е.И. Замятин. – М., 1990. – Т. 2.
9. *Кузичева, А.* «Мы» и «Я» в романе Е. Замятина / А.Н. Кузичева // Книжное обозрение. – 1988. – № 20. 13 мая. – С. 6.
10. *Курбатов, В.* Беззащитная жизнь / В.Я Курбатов // Москва. – 1994. – № 7. – С. 154–160.
11. *Славникова, О.* Старый русский: Поздняя проза Сергея Залыгина / О. Славникова // Новый мир. – 1998. – № 12. – С. 204–221.
12. *Цуркан, А.А.* Эсхатологическое сознание как источник антиутопических традиций: Социально-философский анализ / А.А. Цуркан. Дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 1996. – 144 с.

UDC 82-1/9; 82-311.2;
82-312.1

**DYSTOPIAN REALITIES OF ARTISTIC
AND MODERN WORLD IN E.I.
ZAMYATIN'S NOVEL WE AND S.P.
ZALYGIN'S ECOLOGICAL NOVEL**

Svetlana V. Filippova

PhD in Philology

Head of the Extramural Studies Division

Head of the Philology Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: 234888@mail.ru

For citation: *Filippova, S.V.* Dystopian Reality of Artistic and Modern World in E.I. Zamyatin's Novel We and S.P. Zalygin's Ecological Novel // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 223–240.

Abstract

The article presents ideological and compositional analogies between the dystopian novel *We* by E.I. Zamyatin and *Ecological Novel* by S.P. Zalygina. The author analyzes the relationship of the novel with other works of the dystopian vector, reveals the characteristic “dystopian dominants” of the Zalygin novel, focuses on the dystopian realities of the art world and the modern one.

Keywords: Sergei Pavlovich Zalygin, Yevgeny Ivanovich Zamyatin, soul, utopia, dystopia, 'ecological psychology', 'biopsychology', Ecological Novel.

References

1. *Goncharov, P.A.* Evolyutsiya russkoi ekologicheskoi prozy [Evolution of Russian Environmental Prose]. // Works of Tambov Branch of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. / P.A. Goncharov. Tambov, 2000. Issue 3, pp. 89–91. (in Russian)

2. *Davydova, T.T.* Tvorcheskaya evolyutsiya Evgeniya Zamyatina v kontekste russkoi literatury pervoi treti 20 veka [Creative Evolution of Yevgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the First Third of the 20th Century / T.T. Dvydova. Moscow, Publishing house MGUP, 2000. 363 p. (in Russian)

3. *Evseev, V.N.* Roman "My" Ye.I. Zamyatina (zhanrovye aspekty) [The Novel We by Ye.I. Zamyatin (genre aspects)]. / V.N. Evseev, Ishim: Publishing House of Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, 2000. 115 p. (in Russian)

4. *Zalygin, S.P.* Dva provozvestnika. Zametki [Two Heralds. Notes]. / S. Zalygin // New World, 1995, no. 3, pp. 153–176. (in Russian)

5. *Zalygin, S.P.* Zametki, ne nuzhdayushchiesyu v syuzhete: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Notes that do not Need a Plot: to the 90th Birthday Anniversary / S.P. Zalygin // October. 2003, no. 11, pp. 102–131. (in Russian)

6. *Zalygin, S.P.* Ekologicheskii roman [Ecological novel]. / S.P. Zalygin // New World, 1993, no. 12, pp. 3–106. (in Russian)

7. *Zalygin, S.P.* Sbranie sochinenii [Collected Works]. In 6 volumes / S.P. Zalygin, Moscoe, Khudozhestvennaya literature, 1989–1991, pp. 355–378. (in Russian)

8. *Zamyatin, Yu.I.* Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. In 2 volumes / Ye.I. Zamyatin, Moscow, 1990, vol. 2. (in Russian)

9. *Kuzicheva, A.* "My" i "Ya" v romane Ye. Zamyatina ['We' and 'I' in the Novel by Ye. Zamyatin]. / A.N. Kuzicheva. // Book Review, 1988, no. 20, May 13, p. 6. (in Russian)

10. *Kurbatov, V.* Bezzashchitnaya zhizn' [Defenseless Life]. / V. Ya. Kurbatov // Moscow, 1994, no. 7, pp. 154–160. (in Russian)

11. *Slavnikova, O.* Staryi russkii: Pozdnyaya proza Sergeya Zalygina [Old Russian: The Late Prose of Sergei Zalygin]. / O. Slavnikov // New World, 1998, no. 12, pp. 204–221. (in Russian)

12. *Tsurkan, A.A.* Eskhatologicheskoe soznanie kak istochnik antiutopicheskikh traditsii: sotsial'no-filosofskii analiz [Eschatological Consciousness as a Source of Dystopian Traditions: Socio-philosophical Analysis]. Cand.Sci. (Philosophy) Dissertation, Voronezh, 1996. 144 p. (in Russian)

УДК 82.0

**ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«СОКРОВИЩЕ ДУХОВНОЕ ОТ МИРА
СОБИРАЕМОЕ»)**

Иеромонах Савва (Силантьев)

выпускник Тамбовской духовной
семинарии 2018 г.

E-mail: tdsmetod@yandex.ru

Для цитирования: *Савва (Силантьев), иеромон.* Приемы художественной выразительности в творчестве святителя Тихона Задонского (на примере произведения «Сокровище духовное, от мира собираемое») // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 240–253.

Аннотация

В статье проведен системный анализ средств языковой выразительности, использованных в дидактическом сочинении святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое», посредством которых автор достигает полноты и глубины раскрытия богословской мысли в доступной для всех форме нравственного наставления. В заключение сделан вывод о том, что избранное святителем сочетание художественных приемов позволило избежать нарочитой обширности рассуждений и сухой схоластики, что было характерно для церковных писателей, продолжавших традиции юго-западной школы.